

УДК 316.342.2

ЕЛЕНА СИМОНЧУК,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальных структур Института социологии НАН Украины

Тематические кластеры современного классового анализа

Аннотация

В статье предложена классификация исследовательских направлений современного классового анализа, состоящая из шести тематических кластеров (изучения генезиса социальных классов, их природы, распределения, классовых следствий, субъективных аспектов, классовых конфликтов и действий). Описание каждого кластера содержит ключевые исследовательские вопросы, перечень основных понятий и концепций, а также имен и публикаций классовых аналитиков, репрезентирующих данное тематическое направление. В осмыслении современных классовых неравенств, делений и конфликтов (в рамках каждого из выделенных кластеров) фиксируются три тренда: консервативный (признание исследователями статус-кво классов как основы макросоциальной структуры и релевантности признанных классовых концепций), ревизионистский (стратегии обновления классового анализа при сохранении за классовой структурой первенства в матрице социальной стратификации), нигилистский (признание сдвига от классовых неравенств и структур индустриальной эры к комплексному/бесклассовому неравенству эры постиндустриальной и призыв признать неизбежность поступательного снижения релевантности классового анализа).

Ключевые слова: *социальный класс, классовый анализ, тематические кластеры классового анализа*

За почти двухвековую историю классового анализа в социологии постепенно складывались разнообразные теоретические интерпретации и эмпирические верификации основного концепта, методические инструменты фиксации специфицированного набора показателей и релевантные базы данных. В ходе периодически возникавших специализированных дискус-

сий выдвигались конкурентные идеи и подходы, происходила борьба за их легитимацию. В западной социологии (в отличие от советской) подобного рода состязательность всегда признавалась нормативной и продуктивной, однако вела она не только к накоплению консенсусного знания относительно классовой тематики, но и к расширению пространства конфликта интерпретаций понятия “класс”. На рубеже тысячелетий в среде социологов, систематически изучающих классы, артикулировалась потребность в упорядочивании существующих концепций и уточнении сферы релевантности классового анализа.

В ответ на это ряд авторитетных социологов предложили варианты уменьшения меры концептуальной неопределенности данной предметной области (подробно см.: [Симончук, 2015]). Так, Ааге Соренсен обобщил классовые концепции по уровню их теоретической амбициозности, создав типологию исследовательских целей, адекватно реализуемых в концепциях разного уровня [Sjrhensen, 2000]. По мнению Горана Терборна, концепт “класс” в течение всего периода его научного использования фигурировал в исследовательском и публичном дискурсах преимущественно в пяти тематических кластерах [Therborn, 2002]. Эрик Олин Райт разработал типологию способов применения понятия в социологической теории на основе идентификации узловых вопросов и ответов на них в различных исследовательских программах классового анализа [Wright, 2005].

Альтернативность представленных для обсуждения вариантов не означает необходимости выбирать и солидаризоваться с одним из них, а, напротив, оставляет открытой опцию иных генерализаций тематики исследовательских направлений изучения класса, быть может, даже приглашая предпринимать соответствующие попытки. Опираясь на уже выработанный массив приемов обобщения подходов, автор данной статьи предлагает свой способ классификации исследовательских тем/задач классового анализа, исходящий из трех принципов.

(1) Тематические направления классового анализа конституируются исследовательскими вопросами, направляющими научный поиск¹. Близкие по тематике вопросы объединены в кластер, название которому дает основной предмет/идея исследования. (2) Ответы на каждый из вопросов представляют собой понятия и концепции, выработанные разными аналитиками и составляющие язык/словарь научного дискурса вокруг данного вопроса. Причем, понятия, являющиеся основополагающими в одной концепции, в другой могут игнорироваться или оспариваться. (Скажем, веберианцы при анализе природы классовых отношений отвергают понятие “эксплуатация”, которое является центральным для марксистов.) Отсюда следует, что кластеры концептуально гетерогенны. (3) Пространству тематических кластеров необходимо задается некая размерность, отчасти обоснованная, но явно не завершенная. Важно выработать некое конечное (но не окончательное) число тем/вопросов, чтобы сделать обозримым широкое исследовательское поле концептуализаций, методологий, методик, результатов. Но список вопросов и ответов на них (понятий и концепций) не постояен, его

¹ По примеру типологии Э.О.Райта, где каждому определению понятия класс поставлен в соответствие определенный узловой вопрос [Wright, 2005: p. 1–3].

можно сужать или расширять, объединять или дифференцировать¹. Обобщение имеющейся литературы позволило идентифицировать шесть изменений, так что в классификации все многообразие исследовательских вопросов и ключевых понятий объединяется в шесть тематических кластеров, каждый из которых представляет традиционные и актуальные области компетенции классового анализа (см. рис.).

Рис. Тематические кластеры классового анализа

¹ Например, классификация Э.О.Райта содержала сначала пять узловых вопросов [Wright, 2003], затем шесть [Wright, 2005]. Описывая процесс создания своей классификации, Райт подчеркивал, что вопросов может быть больше, и они могут быть разнообразны [Wright, 2005: p. 1–3].

Кластер А. Изучение формирования, воспроизводства и упадка классов
(механизм формирования / воспроизводства / упадка класса;
институциональные и культурные предпосылки классов;
классовая структура и классовая формация)

Среди традиционных вопросов классового анализа — *как классы возникают и воспроизводятся, а также как они приходят в упадок и исчезают?* Акцент при этом ставится на изучении механизма этих процессов.

Вопрос возникновения (формирования/становления/генезиса) классовой системы в целом или того или иного класса выступал темой многочисленных исследований в рамках разных теоретико-методологических подходов. Одним из основателей культурного подхода был английский историк-марксист *Эдвард Пит Томпсон*, применивший в книге “Формирование английского рабочего класса” две методологические новации [Thompson, 1963]. Во-первых, в центр анализа становления рабочего класса он впервые поставил не действия доминирующих классов и политических элит, а “историю снизу” — действия рабочих, “пехоты промышленной революции”. Во-вторых, фокусировал исследование не на классе как структуре, а на тщательной реконструкции сознания и действий индивидов и групп, характера их повседневной жизни (быта, привычек, культуры английских рабочих в XIX столетии). Культурный подход к формированию класса получил продуктивное развитие в работах *Пьера Бурдьё* [Bourdieu, 1984; 1985, 1987], *Бевверли Скеггс* [Skeggs, 1997, 2004], *Майка Сэвиджа* [Savage, 2013], *Рика Фантазия* [Fantasia, 1988].

Иной — институциональный — подход к изучению вопроса возникновения классов применил английский историк *Майкл Манн*, глубоко исследующий этот предмет в своей знаменитой книге “Источники социальной власти”, во втором ее томе “Расцвет классов и национальных государств в 1760–1914 годах” [Mann, 1993]. Анализируя механизм становления капиталистической социальной структуры (классов), Манн констатирует, что ее доминантные характеристики обусловлены сложным взаимодействием четырех “сил” (идеологической, экономической, военной и политической). В результате этого взаимодействия производятся и реплицируются основные институты и акторы, капитализм проходит ряд фаз эволюции (коммерческий, индустриальный, постиндустриальный), формируется национальное государство, возникают и утверждаются соответствующие эволюционным фазам капитализма классы, идеологическая инфраструктура, нация. Манн реконструирует то, как индустриализация экономики, формирование рынков, суверенных национальных государств и партийной системы репрезентации властных полномочий порождают отношения доминирования и подчинения между буржуазией и рабочим классом, ведут к образованию гетерогенного среднего класса.

Представителей дискурсивного подхода интересует становление класса не только как онтологической реальности, но и как дискурсивного конструкта. К примеру, *Адам Пшеворски* и *Джон Спраг* проанализировали формирование классов в XX веке под влиянием предвыборных стратегий политических партий [Przeworski, 1986].

Широкий ряд исследований направлен на объяснение природы и генезиса “новых” классов в западных обществах, формирующихся со второй половины XX века. Так, оформление и доминирование *средних классов* в этот

период получило полидоктринальное истолкование — как в поиске их номинации (“новый класс”, “класс интеллектуалов”, “класс менеджеров, администраторов и профессионалов” и т.п.), так и в объяснении причин и механизмов их становления (напр.: [Bell, 1987; Wright, 1985, 1997; Goldthorpe, 1987; Esping-Andersen, 1999]). В сфере публичной и политической жизни объем и состав среднего класса выступал мерилем успеха государственной политики, маркером позитивной социальной идентичности. В то же время был предложен ряд концептов для описания формирования “новых опасных классов”. Понятие “*андеркласс*” [Auletta, 1982] должно было зафиксировать положение социальных низов — бедных, дискриминированных и “исключенных” из общества, которые перманентно испытывают дефицит определенных активов (работы, образования, дома, гражданства), являются носителями “культуры бедности”. Этот термин был быстро присвоен политиками, включившими его в разработку социальных программ и электоральной политики. Через понятие “*прекариат*” [Standing, 2011; Savage, 2013] пытаются осмыслить появление новых социальных групп, детерминированных институциональными сдвигами на рынке труда (в частности, флексибильностью и аутсорсингом) и усложнением социальных неравенств. Им обозначают наемных работников, чьи отношения занятости, доход, условия труда, социальное положение характеризуются как негарантированные и нестабильные; они имеют размытую социальную идентичность, испытывают чувства ущербности и неопределенности. Прекариат описывают как исключительно гетерогенный в отраслевом, профессиональном, образовательном отношении, как комплектующийся из всех слоев общества, но не имеющий еще политической артикуляции своих классовых интересов.

Изучение обратного процесса — упадка классовой структуры в современном капиталистическом обществе — нашло отражение в названии ряда знаковых работ: “Прощай, рабочий класс” *Андре Горца* [Gorz, 1982], “Смерть класса” *Яна Пакульски* и *Малколма Уотерса* [Pakulski, 1996], давших имя одноименной дискуссии о тенденциях к становлению бесклассового общества и о снижении релевантности понятия “класс” в объяснении современных неравенств и конфликтов [Giddens, 1991; Beck, 1992; Lash, 1999; Kingston, 2000]. Эти авторы констатировали сглаживание межклассовых различий, ослабление классовых идентичностей и разнообразных классовых следствий, исчезновение классово детерминированных политических партий и социальных движений, объясняя эти факты изменением институциональных условий — становлением государства всеобщего благосостояния, деиндустриализацией, сдвигом занятости от индустриального сектора к постиндустриальному, индивидуализацией труда, формированием модели социального диалога между государством, работодателями и работниками, выходом на первый план гендерных, расовых, гражданских аспектов неравенства и антагонизма.

Назовем примеры исследования механизма упадка и деструктуризации рабочего класса. Большой исследовательский коллектив под руководством *Пьера Бурдьё* представил в книге “Тяжесть мира” [Bourdieu, 2000] этнографическое описание социальных трансформаций во Франции, содержащее анализ этнических антагонизмов в рабочем классе, возникших в результате иммиграции, преобразований индустриальной экономики и изменений рынка труда. *Саймон Чарльзуорт* этнографически документировал жизнь английского городка Ротерхэма, в котором деиндустриализация запустила “распад” образа жизни сообщества в целом [Charlesworth, 2000]. Не нашедшие от-

ражения своего положения в политических речах и оторванные от профсоюзных традиций, молодые члены рабочего класса, несмотря на схожесть условий и стиля жизни, демонстрируют совершенно выпавшую из дискурсивной артикуляции коллективную идентичность, а их практики и элементы жизненного стиля воспринимаются в первую очередь как признаки стигмы.

Наряду с исследованием механизмов формирования и упадка классовых структур и отношений изучаются и механизмы их воспроизводства. Так, неомарксисты постулируют, что классовые отношения стабильно воспроизводятся в случае их активной институциональной поддержки. В ряде теоретических и эмпирических работ они показывают, какие институты и с помощью каких механизмов на макро- и микроуровне содействуют устойчивости капиталистической классовой структуры, подавляя способность работников сопротивляться эксплуатации и навязывая им согласие с господством капиталистов. Например, *Самуэль Боулс* и *Герберт Гинтис* [Bowles, 1976], анализируя институт образования с точки зрения функциональной связи обучения в школе с будущим классовым статусом детей, констатировали, что школы преимущественно с детьми рабочих строили учебный процесс вокруг дисциплины и повиновения, обеспечивая усвоение ими роли будущего трудового ресурса эксплуатации на производстве. В то же время школы для детей из среднего класса и элиты воспитывали автономию и творчество, что позволяет лучше выполнять роли господства и управления производством. Авторы резюмировали, что школа помогает решать проблемы воспроизводства классовых отношений: делать детей разного классового происхождения способными эффективно функционировать в классово предназначенных ролях. *Майкл Буравой* реконструировал механизм “производства согласия” среди фабричных рабочих, показывая, как организация труда в сочетании с конкретным режимом труда производит согласие с господством управленцев, скрывая капиталистическую эксплуатацию [Burawoy, 1979]. *Адам Прzewорски* и *Джон Спраг* изучали то, как через законы о выборах капиталистические демократии манипулируют потенциально грозящими интересам капиталистов политическими действиями рабочего класса, направляя их в совместимые с воспроизводством капитализма практики и создавая условия для гегемонии властей [Przeworski, 1986].

Таким образом, вопросы формирования, воспроизводства и упадка социальных классов концептуализируются и эмпирически верифицируются в рамках различных подходов. Исследователи фиксируют вариативность институциональных и культурных условий и классовой структуры в разные исторические периоды и в сопоставлении с разными типами национальных обществ.

Кластер Б. Изучение природы социального класса

(реляционная природа класса; классовые отношения; отношения собственности, эксплуатации, власти, социального закрытия, привилегии/ущемления, занятости; трудовая и рыночная ситуация; отношения контрактов занятости)

Исследовательский вопрос о природе социальных классов (*что лежит в основе классовых неравенств и различий?*) не стоит на повестке дня градационных концепций, в то же время он является основным в концепциях реляционных. Все приверженцы реляционного подхода, начиная с его основопо-

ложников — Карла Маркса и Макса Вебера, определяют классы в терминах *отношений*. Однако классовый анализ отмечен долгой историей споров о природе этих классовых отношений.

Для *Карла Маркса* и его последователей базисом классов выступают *отношения эксплуатации*, которые являются результатом неравного присвоения одним классом общественного богатства, произведенного общими усилиями [Marx, 1959]. Концепция эксплуатации, на которую опирается классовая теория Маркса, основывалась на трудовой теории стоимости (ее суть: капиталистический класс накапливал ресурсы, систематически отнимая прибавочную стоимость у рабочего класса, заработная плата которого не была эквивалентна стоимости усилий, потраченных ими на производство товаров для своих работодателей). Правда, от данной теории отказались даже неомарксисты, признав ее неверной. *Эрик Олин Райт* опирается на концепцию эксплуатации, однако ее основания переопределяет в терминах теории игр (используя идею *Джона Рёмера* [Roemer, 1982]); операционализация же его классовых схем базируется на перекрестной классификации имущественных, властных и квалификационных отношений [Wright, 1985, 1997]. *Ааге Соренсен*, переосмысливая идею отношений эксплуатации, в основе классов видит конкуренцию по поводу владения рентопroduцирующими активами [Sørensen, 2000; Grusky, 1998].

Социологи немарксистской традиции отделили концепцию класса от каких-либо упоминаний эксплуатации. Для *Макса Вебера* классовые отношения формировались *рынком*, где одна классовая группировка приобретала различные формы труда, предлагаемые другими; этот труд различался и определялся по уровням навыков и аккредитации, поэтому различные немущие группы применяли тактики исключения для сохранения своего положения на рынке [Weber, 1946]. *Джон Голдторп* также не видит необходимости в понятии эксплуатации для объяснения классовых отношений; классовые схемы, связанные с его именем, базируются на *отношениях занятости*, а именно особенностях *рыночной и трудовой ситуации* членов группы [Goldthorpe, 1987; Erikson, 1992] или *контрактных отношений* работодателя и работника [Goldthorpe, 2000]. *Ральф Дарендорф* коренной причиной социального неравенства людей и, соответственно, основой выделения классов считал *отношения власти и подчинения*; класс обладающих властью и класс повинующихся объединяются общими латентными интересами, которые детерминированы неравным отношением к власти [Dahrendorf, 1959].

Френк Паркин [Parkin, 1979] и *Раймонд Мерфи* [Murphy, 1988] в объяснении природы классов, развивая идею Вебера, акцентировали внимание на *отношениях социального закрытия* (процесса, посредством которого одни группы пытаются удерживать эксклюзивный контроль над ресурсами, ограничивая для других доступ к ним). Паркин считает, что источником классового закрытия может быть не только владение собственностью или богатство, но и любые статусные различия (этническое происхождение, раса, гендер, язык или вера). Мерфи предложил систему иерархии “социального закрытия”. Вслед за ними, *Дэвид Граски* и *Ким Уиден*, редуцируя класс к занятию, сфокусировались на “тактиках закрытия”, таких как межпоколенческая передача бизнесов или прав на работу, лицензирование и сертификация работ, влияние “профессиональных сообществ” с их специфическими культурами и жизненными стилями [Grusky, 2001].

Пьер Бурдьё важную роль в понимании природы классов закреплял не только за экономическим капиталом (наличием собственности, квалификации, доходом от сбережений, инвестиций, недвижимости), но и символическим [Bourdieu, 1985, 1987]. Вслед за Бурдьё *Майк Сэвидж и коллеги* основу реляционного подхода к классу видят в теории привилегии/ущемления, которая сфокусирована на механизмах накопления (исходя из того, что именно потенциал некоторых активов наращивать, хранить, передавать и конвертировать преимущества является центральным для функционирования класса; те, у кого нет таких активов, вследствие этого ограничены по сравнению с теми, у кого они есть) [Savage, 2013].

Таким образом, все классовые аналитики разделяют тезис, что классовые различия покоятся на фундаменте неравного распределения экономических ресурсов, однако очевидно, что консенсус относительно природы классов пока не найден. Закрепилась полипарадигмальность: одни исследователи считают, что базисом для подлинно социологического и реляционного подхода к классу остаются исключительно отношения производства/занятости (в частности, отношения эксплуатации, рыночного обмена, специфики контрактных обязательств), другие для объяснения межклассовых неравенств привлекают понятия социального закрытия, власти, привилегий/ущемления, символического/культурного капитала.

Кластер В. Классовое картографирование

(классовые позиции и общности, номинальные и реальные группы; межклассовые границы; операционализация класса, индикаторы класса, эмпирические классовые схемы; градационные и реляционные схемы; класс и гендер, раса, возраст)

В классовом анализе традиционны вопросы о том, какие классы составляют социальную структуру конкретного общества, как они количественно распределены среди населения, каков их качественный состав? Как класс соотносится с другими социальными и демографическими факторами? Задача картографирования классов, считающаяся частью микроуровневой программы классового анализа, предусматривает: 1) теоретическую и эмпирическую операционализацию понятия класса, составление перечня критериев его идентификации, 2) конструирование типологии классовых категорий и определение классовых границ, 3) определение удельного веса классов среди населения (часто в сравнении с другими странами и во временной динамике) и составление их социального и демографического портрета (гендерные, расовые, этнические, возрастные, поселенческие особенности). По каждому из трех пунктов есть отличия в картографировании классов среди аналитиков.

(1) Авторы *классовых схем* не только различным образом (как показано выше) определяют аналитический фундамент классов (как отношения эксплуатации, власти, рыночного обмена, социального закрытия и др.), но и по-разному их операционализируют. В основу типологий классовых позиций индивидов или семей классовые картографы кладут разные эмпирические *индикаторы/критерии*. Среди них (в разной комбинации) — статус занятости, занятие, доход и его источники, уровень квалификации, властных полномочий, автономии и др.

(2) Имеющиеся *эмпирические классовые схемы* отличаются концептуальными основаниями и набором используемых индикаторов, количеством

и названием выделяемых классовых позиций/категорий¹. “Стандартом” измерения классовых позиций в последние десятилетия выступает схема Дж.Голдторпа [Goldthorpe, 1987; Erikson, 1992] и созданная на ее основе схема ESeC для международных проектов [Rose, 2007]; популярна также классовая схема Э.О.Райта [Wright, 1985, 1997]. Постоянно предпринимаются новые попытки классового картографирования, например, направленная на дифференциацию постиндустриальных классов схема Г.Эспин-Андерсена [Esping Andersen, 1999], реализующая многофакторный подход к классу типология М.Сэвиджа и коллег [Savage, 2013], и дезагрегированная до уровня занятий схема Д.Граски и К.Уиден [Grusky, 2001; Weeden, 2005]. Классовая модель Пьера Бурдьё описывает многомерное социальное пространство, тремя составными осями/измерениями которого выступают объем капитала, состав капитала и траектория [Bourdieu, 1984]. В западной социологии не стихают дискуссии о релевантности — о том, какая из множества классовых моделей наиболее адекватно объясняет природу классовых различий и улавливает классовую структуру современного общества (например, см.: [Social class, 2010]).

Составляя классовые карты, аналитики часто расходятся во мнениях, где именно следует проводить границы между классами в сложных капиталистических экономиках². Споры о *классовых границах* — разделительных линиях между классами внутри общества — существенны как в теоретическом и эмпирическом плане, так и в политическом. При разработке классовых типологий тщательно обсуждаются, например, критерии идентификации среднего и рабочего классов. Даже авторы популярных классовых схем меняют свои мнения о классовых границах, например, Дж.Голдторп в одном варианте своей схемы относит класс рутинного нефизического труда более низкого уровня (IIIb) к промежуточному классу [Goldthorpe, 1987], в другом — к рабочему [Goldthorpe, 2000]). В градационных схемах границы классов также относительно, например, выделение на основе уровня дохода

1 Классовые карты различают по ряду оснований. Они могут быть (а) составлены на основании градационных или реляционных классовых схем, (б) созданы классовыми аналитиками путем изучения локальных сообществ или выделения классов с разными жизненными условиями и стилями жизни (например, схема Л.Уорнера или П.Бурдьё) либо путем группирования по теоретически обоснованным критериям (например, схема Голдторпа), (в) разработаны на основании идентификации объективных или субъективных критериев, могут (г) фиксировать номинальные или реальные группы, (д) иметь разные единицы измерения (индивид, семья, организация), (е) применяться только для аналитических целей (например, для изучения классовых следствий) или в политической практике (Марксова модель классов, противопоставляющая антагонистические классы — буржуазию и пролетариат — выводит их как акторов реальных социальных изменений).

2 Бурдьё выдвинул два возражения против проекта теоретически определяемых границ между классами (см.: [Weininger, 2005]). (1) Аргументация о границе, разделяющей два социальных сообщества, является фундаментальной формой политического конфликта, а социологи не должны в своей исследовательской практике допускать смешение политических и научных интересов. (2) Преждевременно намечая границы, социологи рискуют начать воспринимать классы как “самоподдерживающиеся” и “наперед сформированные” сущности, только в таком своем качестве включающиеся в динамические процессы. Бурдьё настаивает, что границы следует понимать в терминах социальных практик, а не теоретической конъюнктуры.

высшего – среднего – низшего классов; они различаются от страны к стране и в разные исторические периоды. Кроме того, особенности того или иного постулирования “реальных” линий разграничения между классами – в первую очередь, отделяющих средний класс от пролетариата – задают и политические последствия.

(3) Классовые схемы применяются в эмпирических исследованиях, цель которых состоит в количественном измерении распределения классовых позиций среди членов определенного общества (включая временную динамику и сравнение с другими обществами) и описании их социально-демографического портрета (включая взаимосвязь класса с гендером, расой, этнической принадлежностью, возрастом), а также в изучении разнообразных “классовых следствий” (детально см. ниже). Такие задачи ставят прежде всего аналитики, отдающие концептуальный приоритет классовой структуре. Однако критики структуралистского подхода (в частности, [Bourdieu, 1984: p. 483; Weinger, 2005: p. 113]) отмечают, что, классифицировав таким образом социальных акторов, структуралисты не способны постигнуть процессы “классотворчества”.

Вопрос связи классовой позиции и разнообразных демографических факторов активно обсуждается в работах Дж.Голдторпа [Goldthorpe, 1983], Э.О.Райта [Wright, 1997], М.Сэвиджа и коллег [Savage, 2013, 2014], П.Бурдьё [Bourdieu, 1984; 2001]. Речь идет не только о наличии связи, но и о вопросе причинности/первичности. Скажем, взгляды П.Бурдьё на этот вопрос (согласно, [Weinger, 2005: p. 107–113]) значительно эволюционировали. В более ранних работах (например, “Различение” [Bourdieu, 1984: p. 107, 382–383]) он признавал метатеоретическую первичность факторов, связанных с положением в социальном пространстве (на основе объема капитала, его состава и траектории), приписывая им большую значимость для объяснения практик и возникновения социальных конфликтов. В более поздних работах (например, “Маскулинное доминирование” [Bourdieu, 2001]) Бурдьё пересмотрел свои взгляды и принял концепцию многовариантной причинно-следственной логики, где социальный класс конкурирует на равных с другими факторами (полом и расой) как символический принцип “видения и деления” в классификационной борьбе, посредством которой формируются общности. В результате символическая арена становится исключительно какофонической: пол и раса уже не рассматриваются в качестве вторичных факторов, а социальные классы выступают всего лишь гранями сложной классификационной призмы.

Кластер Г. Изучение классовых следствий

(класс и потребление, культурные практики, здоровье, голосование, политические ориентации, личностные характеристики, социально-классовая мобильность)

Изучение так называемых *классовых следствий (эффектов класса)* является частью микроуровневой программы классового анализа¹ и исходит

¹ Ряд западных социологов (напр.: [Grusky, 2001]) отмечали, что со второй половины XX века цели проекта классового анализа постепенно сужались: все меньше исследователей интересовались выявлением фундаментальных классовых интересов и макро-

из ряда исследовательских вопросов. *Какова природа и сила связи класса и разнообразных паттернов сознания и поведения (в частности, потребления, здоровья, досуга, культурных практик, голосования, коллективного протестного действия) в современном обществе? Является ли и в какой мере класс (наряду с занятием, гендером, расой, гражданством, местом жительства) адекватным инструментом объяснения различий в названных паттернах?*

В западной социологической литературе широко представлены данные тестирования практически любой из переменных на предмет ее классовой обусловленности. Хорошо известны международные сравнительные проекты изучения связи класса и личности [Соціальні структури, 2007; Jackson, 2006;], класса и политических ориентаций [Manza, 2008], класса и электорального поведения [Evans, 2000], класса и здоровья [Carpiano, 2008], класса и культурных практик [Chan, 2007], классовой принадлежности и образования [Bowles, 1976; Shavit, 1993; Goldthorpe, 2000]. Непреходящую ценность в изучении классовых следствий имеют исследования классовой мобильности — изменения жизненных шансов людей в течение жизни и из поколения в поколение [Goldthorpe, 1987, 2007; Erikson, 1992].

Проблема классовых следствий оказывается частью более широкой дискуссии о том, является ли сегодня социальный класс значимым продуцентом социальных неравенств, то есть о статусе классового анализа в современной социологии. Сторонники тезиса о “смерти класса” в качестве аргумента приводят данные о слабом эмпирическом подтверждении влияния класса на социальные установки неравенства, политические ориентации, электоральное поведение, культурные практики и т.п. (напр.: [Pakulski, 1996; Kingston, 2000]). Исходя из этого, они делают вывод, что класс сегодня *не* является значимой детерминантой постмодерных неравенств, и, соответственно, понятие “социальный класс” не релевантно для анализа современных обществ. Приверженцы классового анализа ищут и приводят эмпирические доказательства обратного [Goldthorpe, 2000; Wright, 1997; Evans, 2000; Shavit, 1993; Social class, 2008], в том числе предпринимая попытку обнаружить более сильные “следствия” путем изменения эмпирического определения класса (например, программа дезагрегационного классового подхода Д.Граски и К.Уиден [Weeden, 2005]).

Аналитики конструктивистского подхода (П.Бурдьё, А.Вайнингер) отмечают, что изучение классовых следствий (того, совпадают ли и в какой мере мнения и практики индивидов с предсказанными на основе их структурного положения) является частью программы, с одной стороны, микроуровневого классового подхода, с другой — структуралистского. Однако последний упускает из виду конструктивистское измерение социального класса: “... предполагая, что действия и взаимодействия могут быть каким-то образом логически выведены из структуры, он тем самым уходит от вопроса о переходе от теоретической группы к практической группе, то есть, от вопроса политики и политической работы, необходимого для наложения принципа видения и деления социального мира, даже если этот принцип прочно опирается на реалии” [Bourdieu, 1987: p. 8].

уровневого коллективного действия, все больше удовлетворяясь фиксацией “классовых следствий” — того, как классовая принадлежность влияет на результаты (электоральное поведение, жизненные стили, др.) на индивидуальном уровне — и попытками объяснения этого влияния.

Кластер Д. Изучение субъективных аспектов класса

(классовое сознание; истинное и ложное классовое сознание; классовые представления; классовые идентичности; субъективный класс)

Исследовательские вопросы в рамках изучения субъективных аспектов социального класса формулируются так: как люди размещают себя и окружающих в системе экономического неравенства? Как это связано с их объективной классовой позицией? Изменяется ли связь субъективного и объективного класса с течением времени и в обществах разного типа?

Субъективные аспекты класса по-разному концептуализируются социологами разных теоретических направлений. В марксистской классовой теории предпочитают понятие “классовое сознание”¹, которое фиксирует субъективный процесс осознания людьми их классовых интересов и условий их продвижения [Лукач, 1984], классово детерминированные социокультурные идеи и традиции, ценностные установки и чувства, отображающиеся в мировоззрении и действиях членов класса. Например, в рамках марксистского культурного подхода Э.П. Томпсон [Thompson, 1963] при изучении становления рабочего класса в XIX веке акцент сделал не на классе как структуре (группе с подобным классовым опытом, детерминированным экономическими структурами), а на его классовом сознании (формирующемся благодаря активному осмыслению этого опыта социальными акторами). Он тщательно реконструировал ценности рабочего класса (коллективизм, солидарность, политический радикализм), способствовавшие утверждению сознания их как класса, и формы их социальной самоорганизации (профсоюзы и политические организации, социальные движения за гражданские права). Однако критики приводили много фактов касательно того, что такое “истинное” классовое сознание отнюдь не было типичным для рабочего класса в XX веке, скорее, наоборот. Для обозначения любого отхода индивида или группы, принадлежащих к рабочему классу, от “правильного”, основанного на классовом интересе мировоззрения (иными словами, от коммунистического мировоззрения, отражающего исторически преходящий характер капиталистического общества и необходимость революционного установления коммунистического общества), использовали термин *ложное / буржуазное сознание* (см.: [Aronowitz, 1973; Лукач, 1984]). Примеры его проявления — голосование рабочих за консервативные партии, а не за лейбористские; снижение уровня поддержки государственной политики перераспределения доходов от богатых к бедным, а также другие формы “обуржуазивания рабочего класса” [Goldthorpe, 1969]. Относительно сознания рабочего класса в XX веке исследователи констатировали нарастание разобщенности и отсутствие какой-либо революционности в защите своих интересов и, напротив, реконструировали “скрытые травмы класса”, например, чувства неполноценности и униженности по сравнению с людьми высших классов, что приводит к неуверенности в собственных силах и пассивной реакции в ситуации ущемления их прав [Sennett, 1973]. Однако даже исследователи-марксисты признают сложность операционализации понятия “классовое сознание”. Среди немногочисленных случаев его эмпирической верификации в международных проектах назовем исследование

¹ Детально об истории концептуализации классового сознания в западной социологии см.: [Wright, 1997; Wallace, 2004].

связи классовых позиций и социальных установок (в частности, восприятия классового неравенства и разных видов конфликта) [Wright, 1997; Evans, 1993, 1998; Kelly, 1999].

В немарксистских подходах субъективные аспекты класса концептуализируются в понятиях “классовая идентичность” и “классовые представления”, которые более доступны для эмпирической операционализации и не имеют нормативной составляющей (не оцениваются как истинные или ложные). *Классовая идентичность (субъективный класс)* — субъективное понимание индивидом или группой собственного классового положения — была предметом многих исследовательских проектов. Среди теоретико-методологических подходов к ее изучению выделим несколько традиций: изучение места классовой идентичности среди других социетальных идентичностей (напр.: [SurrIDGE, 2007; Emmison, 1990]); исследование распределения классовых идентичностей среди населения, а также связи объективного и субъективного классов [Evans, 1993; Wright, 1997; Skeggs, 1997]; типологический анализ классовых идентичностей в обществе и отдельно среди представителей определенного класса [Warner, 1949; Halle, 1984]; изучение механизма и критериев классовой самоидентификации [Tajfel, 1986; Jackman, 1983]; исследование влияния классовой идентичности на разнообразные паттерны поведения [Bradley, 1996; Bourdieu, 1984]. Выводы аналитиков о статусе классовых идентичностей весьма противоречивы. Одни убеждены, что современные идентичности все еще формируются под влиянием классовой принадлежности (см., напр.: [Marshall, 1988; Evans, 1993]). Другие делают вывод о слабом влиянии традиционных классов на работников, приводя такие эмпирические свидетельства: лишь 7% населения относятся к своему социальному классу как к “очень важной” идентичности [Emmison, 1990]; на открытые вопросы о классовой идентификации респонденты часто или дают противоречивые ответы, или отказываются отвечать, или отрицают существование классов [Saunders, 1989]; представители рабочего класса отказываются идентифицировать себя с соответствующей социальной категорией, поскольку с ней не связаны какие-либо позитивные и социально ценные характеристики, скорее ощущения травмы и страданий [Skeggs, 1997, 2004]. На основании этих свидетельств делают вывод, что класс сегодня является “пассивной идентичностью” [Bradley, 1996: p. 72], а сфера производства больше не выступает определяющим локусом формирования социальной идентичности [Pakulsky, 1996]. Есть, наконец, исследователи, считающие, что при всей популярности таких точек зрения нет оснований для отказа от классового анализа; достаточно отказаться от использования в классовой аналитике агрегированных классовых категорий (EGP-классов) и вернуться к понятию “занятие” (исходя из посыла, что дезагрегированные категории институционализированы глубже, чем агрегированные, а также из данных опросов, согласно которым занятия остаются одной из главных социальных идентичностей для современных работников) (см.: [Emmison, 1990: p. 247–248; Grusky, 2001]).

Изучение субъективных аспектов класса базируется, кроме того, на *классовых представлениях*, которых придерживаются обычные члены общества, — относительно природы и источников классовых различий, а также числа, размера и характеристик различных классов в их обществе. Большая часть эмпирических исследований классовых представлений касается рабочего класса. Так, в 1950–1960-е годы изучалось воздействие изменения образа

жизни (в частности, модели семьи и трудовых отношений) на “традиционные” сообщества рабочего класса (напр.: [Chinoy, 1955; Bott, 1971; Zweig, 1961]). В этом ряду классической стала работа Дэвида Локвуда “Источники изменения в представлениях рабочего класса об обществе” [Lockwood, 1966], где он выделил три типа представлений рабочих о классовой структуре общества (пролетарский традиционализм, почтительный традиционализм, образы рабочих-собственников) и сделал вывод, что эти представления определяются обстоятельствами жизни рабочих (окружение на работе, район и город проживания). Другие исследователи также обнаруживали отличающиеся типы восприятия классовой структуры среди рабочих: у одних образ общества является дихотомическим (“мы” против “они”); у других — многофакторным (основанным на занятиях, власти или деньгах) и точно градуируемым; у третьих — более тонким и сложным, с разным набором классовых и профессионально обусловленных представлений в зависимости от целей и ситуаций (на работе и вне работы) (см., напр.: [Britten, 1984; Halle, 1984]).

Таким образом, исследования субъективных аспектов класса, концептуализируемые в трех основных понятиях, реализуются на основе разнообразной методологии и резюмируются в противоречивых выводах: одна крайность — что с середины XX века классовая структура и сознание поступательно ослабевают, классовые представления и идентичности размываются; другая крайность — что класс продолжает оставаться базовой социальной идентичностью.

Кластер Е. Изучение классовых конфликтов и классовых формаций¹

*(классовые интересы; классовый конфликт; классовая формация;
классовое/коллективное действие; классовые организации;
(демократическая) классовая борьба; институционализация
классового конфликта; классовый компромисс)*

Классовые аналитики задаются также вопросами, каковы современные формы классовой самоорганизации и классового действия; являются ли классы сегодня субъектами преобразовательной социальной борьбы; каковы модели альтернативного капитализму будущего? (Ряд ученых полагают, что именно эти политические по своей сути вопросы являются центральными в концепции класса; они делают аутентичным концепт “класс” в сравнении с концептом “стратификация” [Pakulski, 2005; Dahrendorf, 1959].) В рамках классовой теории базисным признают различие между “классовой структурой” (общей моделью классовых позиций и отношений в обществе) и “классовой формацией” (порожденными на основе этой структуры коллективными объединениями и действиями)². Общеизвестно, что до последней четверти XX века связь между этими понятиями была более и менее беспроblemной, поскольку были видимы и очевидны классово детерминированные политические партии и профсоюзы, политические и экономи-

¹ Понятие “классовая формация” (class formation) имеет двойное значение — организованное сообщество в рамках классовой структуры и процесс его возникновения.

² У разных теоретиков эта пара концептов имеет оригинальные названия: “класс в себе” и “класс для себя” (Маркс), “классовые положения” и “классовые формации” (Райт), “классы на бумаге” и “мобилизованные классы”, или “теоретические и практические группы” (Бурдье).

ческие формы классовой борьбы, кроме того, социалистические государства выступали эмпирическим случаем альтернативного капитализму общества. Соответственно, классовая теория и классовый анализ имели статус релевантных инструментов в осмыслении общественных процессов. В последние же десятилетия связь между классовой структурой и классовой формацией стали описывать как неочевидную, указывая в качестве аргументов на исчезновение классовых оснований политических партий, голосования, политической мобилизации, а также признание неудачи социалистических режимов¹. В итоге статус классового анализа был проблематизирован, что заставило аналитиков разных теоретических и идеологических ориентаций переосмыслить и озвучить свои позиции.

Теоретики-постмодернисты [Pakulski, 1996, 2005; Beck, 1992; Lash, 1999; Kingston, 2000] на основании этих аргументов делают два вывода. Первый — о тенденции к “смерти классов” (в смысле — классовых формаций), утверждая, что в индустриальную эру классовые неравенства и конфликты действительно являлись системообразующей основой социальной структуры, однако по мере интенсификации постиндустриальных трендов они постепенно уступают место все более усложняющейся конфигурации бесклассовых неравенств и антагонизмов (расовых, этнических, гендерных, гражданских, политических, профессиональных и др.). Второй вывод — о тенденции к неуклонному снижению релевантности классового анализа (поскольку его специфику видят в изучении не столько социальных структур, сколько реальных антагонистичных групп²). Упадок классовых формаций (особенно социальной и политической артикуляции рабочих классов) и одновременно мультипликация неклассовых конфликтов и формаций подрывают, по мнению постмодернистов, сам классовый подход, его способность высветить ключевые аспекты социальной иерархии и конфликтов. Альтернативу ему видят в разработке неклассовых теорий и анализов (примеры альтернативных теоретических и аналитических инструментов см.: [Pakulski, 2005; Giddens 1973; Scott, 1996]).

Другие социологи, признавая современные тенденции упадка классовых формаций, тем не менее высказываются в защиту классового анализа — либо заявляя о статус-кво (например, Голдторп), либо видя выход в обновлении и

¹ В кратком изложении историческая периодизация состояния классовых формаций в XX веке такова. До 1960-х годов классовая борьба воплощалась в классических формах рабочего движения. В 1960–1970-е годы она приобрела характер демократической классовой борьбы, реализуемой в институциональных формах классовой политики и корпоративистских сделок. Начиная с 1980-х годов под воздействием экономической либерализации и индивидуализации наступил кризис институционального воплощения классовой борьбы — в большинстве стран неуклонно ослабевали классические формы массового вовлечения граждан в политику через партии, профсоюзы, ассоциации. Партиципаторная демократия превращается в исчезающий пережиток прошлого, так как реальное участие становится все более атомизированным и основанным на личных интересах и потребностях [Touraine, 2014].

² Я. Пакульски, давая определение понятия “класс”, его фундаментальные характеристики постулирует так: “классовая позиция отражается в социальном сознании, идентичности и антагонизме, а также генерирует формы действий в экономической и политической сферах, обладающие потенциалом к преобразованию капитализма” [Pakulski, 2005: р. 1].

усовершенствовании классических классовых моделей (Райт, Соренсен, Граски и др.). Странники обновленного классового анализа предлагают разные методологические новации. Так, *Д.Граски* и *К.Уиден* реализуют идею изучения связи класса и коллективных действий, операционализируя класс не через агрегированные EGP-категории, а через занятия, поскольку конфликты интересов между занятиями группами более очевидны [Grusky, 2001]. Обновленную версию классового анализа предлагают и сторонники аналитического (социологического) марксизма. Они стали меньше интересоваться изучением макроуровневого коллективного действия, признавая очевидное: три базовые тезиса-предсказания Марксовой теории траектории и судеб капитализма — о долгосрочной неустойчивости капитализма, интенсификации антикапиталистической классовой борьбы, исторически закономерном переходе к социализму — не получили эмпирического подтверждения в продолжительной исторической перспективе. *Майкл Буравой* и *Эрик Олин Райт* обосновали обратное [Буравой, 2011: с. 22–23]: 1) несмотря на периодические кризисы, капитализм продемонстрировал устойчивость; созданные им институты общественного воспроизводства оказались прочны, гибки и эффективны; 2) структурно детерминированные классы, организованные вокруг классовых интересов, не стали коллективными акторами¹; несмотря на случающуюся время от времени политическую мобилизацию, в целом отсутствует тенденция к наращиванию антикапиталистическими силами коллективной мощи и потенциала социально преобразующего действия; 3) нет веских оснований говорить, что социализм — наиболее вероятное будущее капитализма; особенно с оглядкой на признание неудачным исторического эксперимента по воплощению теории социализма/освобождения в практику (авторитарный государственный социализм, особенно советского типа, оказался далек от идеала демократического социализма). Неомарксисты обоснованию социализма как исторической необходимости предпочли разработку “реальных утопий”² — альтернативных капитализму проектов перехода к более справедливому общественному устройству на основе реализации конкретных освободительных идеалов/ценностей (радикальное равенство, свобода, демократия, товарищеские сообщества, самореализация каждого) с помощью прагматично конструируемых институциональных механизмов. Причем в повестке дня социологического марксизма — не только разработка

¹ В западных странах революции не случились (имевшие место фундаментальные кризисы, например, студентов и рабочих во Франции в 1968 году или в Восточной Европе в 1989-м, не подпадали под определение борьбы одного класса против другого, поскольку в них участвовали коалиции разных классовых группировок), а классовые объединения, ранее массово вовлекавшие граждан в политику (политические партии, профсоюзы, ассоциации), неуклонно теряли в членстве и роли в обществе и политике; реальное политическое участие становилось более атомизированным и основанным на личных интересах.

² Среди примеров реальных утопий — идеи “всеобщего гарантированного базового дохода” (гранта, демогранта, гражданских дивидендов), предложение институционально адекватной формы рыночного социализма, новаторские идеи о путях углубления демократического местного управления, новых подходах к государству и вторичным ассоциациям, выработке новых форм консультативного участия граждан в принятии политических решений, создании эгалитарных рыночных институтов для устойчивого перераспределения имущества, авуаров (детально см.: [Буравой, 2011: с. 33–36; Wright, 1997]).

реальных утопий, но и их активная пропаганда, в надежде, что они “захватят воображение народа и обеспечат почву для будущей политики”¹. При этом Буравой пропаганду реальных утопий считает одной из задач (публичной) социологии [Буравой, 2011: с. 36].

Классовые аналитики немарксистской ориентации (например, *Джон Голдторп* [Goldthorpe, 2002]) считают, что ослабление или даже исчезновение классовых формаций отнюдь не подрывают классовый подход, поскольку его содержание они никогда не связывали с теоретическим обоснованием исторической судьбы капитализма, роли классовой борьбы в его ниспровержении, идеологии социальных преобразований для преодоления конфликта классовых интересов, то есть всем тем, что и неомарксисты, и постмодернисты считают частью “обязательной программы” классовой теории и классового анализа. Немарксисты не согласны, что “коллективное классовое действие *должно* описываться в марксистских по сути своей терминах, т.е. с привлечением классовой структуризации в смысле преобразования “класса в себе” в “класс для себя” и, в свою очередь, крупномасштабной мобилизации индивидов на действия диссидентского и конфликтного, если не революционного, характера” [Goldthorpe, 2002: р. 214]. Дж.Голдторп считает, что “для европейских социологов-немарксистов, кто все-таки пытается связать классовый анализ с вопросами политэкономии, основной интерес представляет форма коллективного классового действия, разительно отличающаяся от “штурма Зимнего дворца”. Речь идет о действии, осуществляющемся посредством организаций (главным образом, профсоюзов рабочего класса) в контексте неокорпоративистских или “социально партнерских” институциональных соглашений, призванных сгладить, а не обострить классовый конфликт” [Goldthorpe, 2002: р. 215]. Сторонники немарксистской традиции признают неизбежность в капиталистическом обществе классово детерминированных конфликтов из-за неравного распределения власти, собственности, материальных благ, образования и др., однако считают, что разрешаться эти конфликты должны не путем революционной классовой борьбы, ведущей к десолидаризации общества, а в институциональных формах. Так, *Ральф Дарендорф* и *Сеймур Мартин Липсет* теоретически обосновали институциональные механизмы разрешения классовых конфликтов ради социальной солидарности². В политике западных обществ в 1960–1970-е годы успешно реализовались различные институци-

¹ Причем, М.Буравой и Э.О.Райт отмечают, что “при определенных политических условиях аспекты названных институциональных планов могут потенциально стать частью прагматических проектов общественных реформ даже в капиталистическом обществе” [Буравой, 2011: с. 36].

² Автор социологической теории конфликта Р.Дарендорф обосновывал необходимость “институционализации конфликтов”, что означает, что государство для регулирования конфликтных ситуаций должны учреждать специальные институты, обеспечивающие правовую основу для проведения дискуссий и принятия решений участниками групп интересов относительно спорных вопросов. Это открывает перспективу эволюционных изменений, а не революционных переворотов. Дарендорф называет три формы регулирования конфликта (примирение посредством определенных институтов, посредничество и арбитраж), которые “являются прекрасным механизмом уменьшения силы классового конфликта” [Dahrendorf, 1959]. С.М.Липсет констатировал, что в современных демократических государствах конфликт между различными группами ар-

ональные формы “демократической классовой борьбы”, притупившие и легализовавшие классовые конфликты¹ [Dahrendorf, 1959]. По мнению Я. Пакульски [Pakulski, 2005], эти государственные и политически организованные классы дожили до волны дерегуляции и новой политики 1970-х годов; потом исследователи стали ставить диагнозы классовой декомпозиции (Дарендорф), фрагментации (Липсет) и исчезающей классовой политики (Кларк). Классовая формация была ослаблена вначале занятией дифференциацией и рыночной фрагментацией, а далее подорвана декомпозицией классовых элит, организаций (партий и профсоюзов) и идеологий вследствие отмирания корпоративизма и нарастания глобализации.

Пьер Бурдьё (по оценкам интерпретатора его творчества Элиота Вайнингера) также держался в стороне от главного исторического нарратива, согласно которому классовый конфликт является *той самой* “движущей силой истории” [Weininger, 2005: р. 113, 116]. Если в его ранних работах [Bourdieu, 1984] класс был наделен метатеоретическими привилегиями (классовые отношения первичны по отношению к прочим формам доминирования), то в поздних работах [Bourdieu, 2000] он их аннулировал, всецело открывшись для идеи о сложном “переплетении” форм доминирования в ходе истории. Описывая социально обусловленные изменения во Франции к началу 2000-х годов, Бурдьё и его большой исследовательский коллектив видели “движущую силу/мотор” изменений не столько в классовых антагонизмах, сколько этнических, гражданских, технологических и профессиональных [Bourdieu, 2000].

Исследователи конкурирующих теоретических традиций согласны, что их тезисы относительно связи классовой структуры и классовой формации требуют эмпирической верификации. Так, с 1980-х годов критике и эмпирической проверке подвергались тезисы классического марксизма об обнищании рабочего класса по мере развития капитализма и неумолимом усилении конфликта между богатыми и бедными, руководителями и наемными работниками, средним и рабочим классами. Ряд исследователей [Smith, 1989; Braun, 1994; Kelley, 1995], измерив в ходе национальных и международных опросов восприятие классового конфликта и отследив его динамику, пришли к выводу о снижении, а не усилении субъективного восприятия разных видов классового конфликта в западных странах. Дж.Голдторп, уделяя главное внимание анализу классовых различий в жизненных шансах, в то же время подчеркивает, что немарксистам не чуждо изучение связи классовых позиций и классовых формаций, начиная от Д.Локвуда, детально анализировавшего отличия служащих и рабочих в паттернах голосования за лейбористские партии и поддержки профсоюзов [Lockwood, 1989], и заканчивая многочисленными современными исследованиями связи между

тикулируется через политические партии и представляет собой “демократическое выражение классовой борьбы”; эти новые формы “легитимного” и “укрощенного” классового конфликта, пришедшие на смену прежним, социально разрушительным формам, являются необходимым условием “устойчивой либеральной демократии” [Lipset, 1960].

¹ В политической сфере — борьба между конкурирующими политическими партиями левого и правого толка и достижение консенсуса на основании согласия о политических “правилах игры”, а в экономической сфере — борьба в рамках трехстороннего (между представителями государства, работодателей и профсоюзов) социального диалога, ритуалы национальных коллективных переговоров и торгов.

классом и политическими ориентациями и электоральным поведением [Evans, 2000; Manza, 2010]. Исследованию коллективного действия посвящены эмпирические проекты Д.Граски и К.Уиден [Grusky, 2001].

Итак, исследования в рамках этого тематического кластера наиболее дискуссионны. Постмодернисты считают, что без выраженной классовой формации новые версии классового анализа сталкиваются с “дилеммой идентичности”: чем более релевантны обновленные классовые конструкты (например, подход Д.Граски), тем более они схожи с их неклассовыми конкурентами (в первую очередь, с веберовским и дюркгеймовским анализами профессиональной и статусной стратификации), лишаясь отличительных элементов классовой теории; классовый же анализ Дж.Голдторпа, декларирующий его свободу от создания освободительного проекта, по их мнению, “превращается в абстрактное академическое изыскание, изолированное от политических практик социальных движений и партий” [Pakulski, 2005: p. 152]. Постмодернистские аналитики считают, что классовой теории и классовому анализу грозит либо сращивание со своими конкурентами, либо постепенное предание его забвению. Неомарксисты стараются преодолеть эту дилемму, рассматривая реальные утопии не только как теорию, но и как идеологию преобразования будущего посредством разработки и пропаганды идей. Немарксисты считают, что сделали вклад в разработку политики классового компромисса, а выводы исследователей социальной мобильности включены в формирование и обсуждение социальной политики для обеспечения равенства жизненных шансов (напр.: [Goldthorpe, 2007]).

Заключение

Итак, шесть тематических кластеров описывают, на наш взгляд, содержание современного классового анализа. В осмыслении современных социальных неравенств, делений и конфликтов (в частности, в рамках каждого из выделенных кластеров) фиксируются три тренда. *Первый (консервативный)* — признание исследователями (Э.О.Райт, Дж.Голдторп, Г.Терборн и др.) статус-кво классовой структуры как основы макросоциальной структуры, а также релевантности признанных и широко используемых классовых концепций для описания современных обществ. *Второй (ревизионистский)* — сохранение за классовой структурой первенства в матрице социальной стратификации, но при этом стратегия на реконструкцию и обновление классовой теории и классового анализа (А.Соренсен, Д.Граски, К.Уиден, М.Сэвидж, Ф.Девайн и др.). *Третий (нигилистский)* — отбрасывание тезиса о “примате классовой структуры как хребта социальной структуры и матрицы социальной стратификации” и, напротив, признание сдвига от классовых неравенств и структур индустриальной эры к комплексному (бесклассовому) неравенству эры постиндустриальной (Я.Пакульски, Э.Гидденс, П.Бурдьё и др.) и, соответственно, призыв признать неизбежность поступательного снижения релевантности классового анализа и необходимость развития комплексного социального анализа, способного предоставить социологам более адекватные теоретические и аналитические инструменты понимания новых конфигураций неравенства (обнаруживаемые в классическом наследии токвилевской, дюркгеймовской и веберовской социологии неравенства). Эти сосуществующие тренды проблематизируют классовый анализ; пожалуй, в ближайшее десятилетие определится лидер, предлагающий наиболее релевантный способ

описания новых конфигураций неравенства. Причем (по удачному выражению Я.Пакульски [Pakulski, 2005: p. 179]) окончательный вердикт по этим дебатам будет вынесен не только академическим сообществом, которое протестирует валидность классических, ревизионистских и неклассовых теорий-конкурентов, но и практикующими политиками, которые возьмут на вооружение те или иные концепции, сочтя их наиболее многообещающими в объяснении и преодолении социального неравенства.

Предложенную классификацию содержания классового анализа в дальнейшем планируется использовать в качестве аналитического инструмента для двух целей: в гносеологической проекции — для сравнительного анализа состояния и статуса классового анализа в современной западной и украинской социологии; в онтологической — для последовательного представления данных относительно формирования классовой структуры украинского общества в постсоветский период, картографирования классов, фиксирования классовых следствий и др.

Источники

Буравой М. Социологический марксизм / М. Буравой, Э.О. Райт // Социологические исследования. — 2011. — № 9. — С. 18–29 ; 2011. — № 10. — С. 26–38.

Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / Лукач Г. ; пер. с нем. С. Земляного. — М. : Логос-Альтера, 2003.

Симончук О. Концепт “клас” у сучасній соціології: класифікація значень / О. Симончук // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2015. — № 3. — С. 21–38.

Соціальні структури і особистість: дослідження Мелвіна Л. Кона і його співпрацівників / пер. з англ. за наук. ред. В.Є. Хмелька. — К. : Вид. дім “Києво-Могилянська академія”, 2007. — 559 с.

Aronowitz S. False promises: The Shaping of American Working Class Consciousness / Aronowitz S. — N.Y. : McGraw-Hill, 1973. — 465 p.

Auletta K. The Underclass / Auletta K. — N.Y. : Random House 1982. — 253 p.

Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity / Beck U. — London: Sage, 1992. — 272 p.

Bell D. The New Class: A Muddled Concept / D. Bell. // Structured Social Inequality / Celia S. Heller (ed.). — N.Y. : Macmillan, 1987. — P. 455–468.

Bott E. Family and social network / E. Bott. — 2nd ed. — N.Y. : Free Press, 1971. — 305 p.

Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste / Bourdieu P. ; trans. by R. Nice. — N.Y. : Harvard University Press, 1984. — 640 p.

Bourdieu P. Masculine Domination / Bourdieu P. [et al.] ; transl. by R. Nice. — Stanford, CA : Stanford University Press, 2001. — 144 p.

Bourdieu P. The Social Space and the Genesis of Groups / P. Bourdieu // Theory and Society. — 1985. — Vol. 14, No. 6. — P. 723–744.

Bourdieu P. The Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Society / Bourdieu P. [et al.]. — Stanford, CA : Stanford University Press, 2000. — 656 p.

Bourdieu P. What Makes a Social Class? / P. Bourdieu // Berkeley Journal of Sociology. — 1987. — Vol. 22. — P. 1–18.

Bowles G. Schooling in capitalist America : Educational reform and the contradictions of economic life / G. Bowles, H. Gintis. — N.Y. : Basic Books, 1976.

Bradley H. Fractured Identities: Changing Patterns of Inequality / Bradley H. — Cambridge : Polity Press, 1996. — 256 p.

Braun M. On Measuring Societal Conflict / Braun M. — Mannheim, Germany, 1994. — 18 p.

Britten N. Class Imagery in a National Sample of Women and Men / N. Britten // British Journal of Sociology. — 1984. — No. 3. — P. 406–434.

- Burawoy M.* Manufacturing consent: Changes in the Labor Process Under Monopoly Capitalism / Burawoy M. — Chicago : University of Chicago Press, 1979. — 286 p.
- Carpiano R.M.* Social Inequality and Health: Future Directions for the Fundamental Cause Explanation / R.M. Carpiano, B.G. Link, G.S. Phelan // *Social Class: How Does it Work?* / D. Conley, A. Lareau (eds.). — N.Y. : Russell Sage Foundation, 2008. — P. 232–263.
- Chan T.W.* Social Stratification and Cultural Consumption: Music in England / T.W. Chan, J.H. Goldthorpe // *European Sociological Review*. — 2007. — Vol. 23, No. 1. — P. 1–29.
- Charlesworth S.J.* A Phenomenology of Working Class Experience / Charlesworth S.J. — Cambridge : Cambridge University Press, 2000. — 312 p.
- Chinoy E.* Automobile Worker and the American Dream / Chinoy E. — Boston : Beacon Press, 1955.
- Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society / Dahrendorf R. — Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1959. — 352 p.
- Emmison M.* Social Class and Social Identity: A Comment on Marshall et al. / M. Emmison, M. Western // *Sociology*. — 1990. — Vol. 24. — P. 241–253.
- Erikson R.* The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies / R. Erikson, J.H. Goldthorpe. — Oxford : Clarendon Press, 1992. — 445 p.
- Esping-Andersen G.* Social Foundations of Postindustrial Economies / Esping-Andersen G. — Oxford : University Press, 1999. — 207 p.
- Evans G.* Class Conflict and Inequality / G. Evans // *International Social Attitudes: the 10th BSA report*. — SCPR, 1993. — P. 123–142.
- Evans G.* In Search of the Wage Labour/Service Contract: New Evidence on the Validity of the Goldthorpe Class Scheme / G. Evans, C. Mills // *British Journal of Sociology*. — 2000. — Vol. 51. — P. 641–661.
- Fantasia R.* Cultures of Solidarity: Consciousness, Action, and Contemporary American Workers / Fantasia R. — Berkeley, CA : University of California Press, 1988.
- Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / Giddens A. — Stanford, CA : Stanford University Press, 1991. — 256 p.
- Giddens A.* The Class Structure of the Advanced Societies / A. Giddens. — London : Hutchinson, 1973. — 336 p.
- Goldthorpe J.* The Affluent Worker in the Class Structure / J.H. Goldthorpe, D. Lockwood, F. Bechhofer, J. Platt. — Cambridge : Cambridge University Press, 1969. — 206 p.
- Goldthorpe J.H.* Intergenerational class mobility in contemporary Britain: political concerns and empirical findings / J.H. Goldthorpe, M. Jackson // *The British Journal of Sociology*. — 2007. — Vol. 58, No. 4. — P. 525–546.
- Goldthorpe J.H.* Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: A Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda / Goldthorpe J.H. // *Acta Sociologica*. — 2002. — Vol. 45. — P. 211–217.
- Goldthorpe J.H.* On Sociology: Numbers, Narratives and the Integration of Research and Theory / Goldthorpe J.H. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — 352 p.
- Goldthorpe J.H.* Social Mobility and Class Structure in Modern Britain / Goldthorpe J. H., Llewellyn C., Payne G. — 2nd ed. — Oxford : Clarendon Press, 1987. — 398 p.
- Goldthorpe J.H.* Women and Class Analysis: In Defense of the Conventional View / J.H. Goldthorpe // *Sociology*. — 1983. — No. 17. — P. 465–488.
- Gorz A.* Farewell to the Working Class / Gorz A. — L. : Pluto, 1982. — 200 p.
- Grusky D.B.* Can Class Analysis Be Salvaged? / D.B. Grusky, J.B. Sørensen // *American Journal of Sociology*. — 1998. — Vol. 103. — P. 1187–1234.
- Grusky D.B.* Decomposition Without Death: A Research Agenda for a New Class Analysis / D.B. Grusky, K.A. Weeden // *Acta Sociologica*. — 2001. — Vol. 44. — P. 203–218.
- Halle L.* America's Working Man / Halle L. — Chicago : University of Chicago Press, 1984. — 378 p.

- Jackman M.R.* Class Awareness in the United States / M.R. Jackman, R.W. Jackman. — Berkeley and Los Angeles : University of California Press, 1983. — 300 p.
- Jackson M.* Personality Traits and Occupational Attainment / M. Jackson // European Sociological Review. — 2006. — Vol. 22, No. 2. — P. 187–199.
- Kelley J.* Class and Class Conflict in Six Western Nations / J. Kelley, M.D.R. Evans // American Sociological Review. — 1995. — Vol. 60, No. 2. — P. 157–178.
- Kideckel D.A.* The Unmaking of an East Central European Working Class // Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia / C.M. Hann (ed.) — L. : Routledge, 2002. — P. 114–132.
- Kingston P.W.* The Classless Society / Kingston P.W. — Stanford : Stanford University Press, 2000. — 280 p.
- Lash S.* Another Modernity: A Different Rationality / S. Lash. — Oxford : Blackwell, 1999. — 400 p.
- Lipset S.M.* Political man / Lipset S.M. — Garden City, NY : Anchor Books, 1960. — 432 p.
- Lockwood D.* Sources of Variation in Working Class Images of Society / D. Lockwood // Sociological Review. — 1966. — No. 14. — P. 249–267.
- Lockwood D.* The Blackcoated Worker: A Study in Class Consciousness / Lockwood D. — 2nd ed. — L. : Clarendon Press, 1989. — 278 p.
- Mann M.* The Sources of Social Power : in 2 vols. / Mann M. — Cambridge : Cambridge University Press, 1986. — Vol. 1 : A History of Power from the Beginning to AD 1760. — 1986. — 574 p. ; Vol. 2 : The Rise of Classes and Nation States 1760–1914. — 1993. — 846 p.
- Manza J.* Class and Politics / J. Manza, C. Brooks // Social Class: How Does it Work? / D. Conley and A. Lareau (eds.). — N. Y. : Russell Sage Foundation, 2008. — P. 201–231.
- Marshall G.* Social Class in Modern Britain / Marshall G., Rose D., Newby H., Vogler C. — L. : Unwin Hyman, 1988. — 336 p.
- Marx K.* Capital / Marx K. // Capital, the Communist Manifesto, and Other Writings by Karl Marx / Max Eastman (ed.). — N.Y. : Modern Library, 1959. — P. 54–59.
- Murphy R.* Social Closure: The Theory of Monopolization and Exclusion / Murphy R. — Oxford : Clarendon, 1988. — 276 p.
- Pakulski J.* Foundations of a post-Class Analysis / J. Pakulski // Approaches to Class Analysis / E.O. Wright (ed.). — Cambridge University Press, 2005. — P. 152–179.
- Pakulski J.* The Death of Class / J. Pakulski, M. Waters. — L. : Sage Publications, 1996. — 184 p.
- Parkin F.* Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique / Parkin F. — N.Y. : Columbia University Press, 1979. — 232 p.
- Przeworski A.* Paper Stones. A History of Electoral Socialism / A. Przeworski, J. Sprague. — Chicago : Chicago University Press, 1986. — 230 p.
- Roemer J.* A General Theory of Exploitation and Class / Roemer J. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1982. — 298 p.
- Rose D.* The European Socio-Economic Classification: A New Social Class Scheme for Comparative European Research / D. Rose, E. Harrison // European Societies. — 2007. — Vol. 9, No. 3. — P. 459–490.
- Saunders P.* Left Write in Sociology / P. Saunders // Network. — 1989. — Vol. 44. — P. 3–4.
- Savage M.* A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment / M. Savage, F. Devine, N. Cunningham, M. Taylor, Y. Li, J. Hjøllbrekke, B. Le Roux, S. Friedman, A. Miles // Sociology. — 2013. — Vol. 47, No. 2. — P. 219–250.
- Savage M.* Capitals, Assets and Resources: Some Critical Issues / M. Savage, A. Warde, F. Devine // British Journal of Sociology. — 2005. — Vol. 56, No. 5. — P. 31–48.
- Savage M.* Ordinary, ambivalent and defensive: Class identities in the north-west of England / M. Savage, G. Bagnall, B.J. Longhurst // Sociology. — 2001. — Vol. 35, No. 4. — P. 875–892.
- Scott J.* Stratification and Power: Structures of Class, Status and Command / Scott J. — Cambridge : Polity Press, 1996. — 296 p.

- Sennett R.* The Hidden Injuries of Class / R. Sennett, J. Cobb — N.Y. : Vintage Books, 1973. — 288 p.
- Shavit Y.* Persisting barriers: changes in educational opportunities in thirteen countries / Y. Shavit, H.P. Blossfeld // Persistent Inequalities: a Comparative Study of Educational Attainment in Thirteen Countries / Y. Shavit, H.P. Blossfeld (eds.). — Boulder Colorado : Westview Press, 1993. — P. 1–24.
- Skeggs B.* Class, Self and Culture / Skeggs B. — L. : Routledge, 2004. — 232 p.
- Skeggs B.* Formations of Class and Gender: *Becoming Respectable* / Skeggs B. — L. : Sage, 1997. — 200 p.
- Smith T.* Inequality and Welfare // British Social Attitudes: Special International Report / R. Jowell, S. Witherspoon, L. Brook (eds.). — Aldershot : Gower, 1989.
- Social Class in Europe: An Introduction to the European Socio-Economic Classification / D. Rose, E. Harrison (eds.). — L. : Routledge/ESA, 2010. — 352 p.
- Social Class: How Does it Work? / D. Conley and A. Lareau (eds.). — N.Y. : Russell Sage Foundation, 2008. — 388 p.
- Sørensen A.B.* Toward a Sounder Basis for Class Analysis / A.B. Sørensen // American Journal of Sociology. — 2000. — Vol. 105. — P. 1523–1558.
- Standing G.* The Precariat: The New Dangerous Class / Standing G. — L. : Bloomsbury Academic, 2011. — 352 p.
- SurrIDGE P.* Class Belonging: a Quantitative Exploration of Identity and Consciousness / P. SurrIDGE // The British Journal of Sociology. — 2007. — Vol. 58. — P. 207–226.
- Tajfel H.* The Social Identity Theory of Intergroup Behavior / H. Tajfel, J. Turner // Psychology of Intergroup Relations / S. Worchel, W. Austin. — Chicago : Nelson-Hall, 1986. — P. 7–24.
- Therborn G.* Class Perspectives: Shrink or Widen? / G. Therborn // Acta Sociologica. — 2002. — Vol. 45. — P. 221–225.
- Thompson E.P.* The Making of the English Working Class / Thompson E. // The Making of the English Working Class P. — L. : Gollancz, 1963. — 864 p.
- Torssader J.* Stratification and Mortality – a Comparison of Education, Class, and Income / J. Torssader, R. Erikson // European Sociological Review. — 2010. — Vol. 26, No. 4. — P. 465–474.
- Touraine A.* After the crisis. A new possible society / A. Touraine. — Cambridge : Polity Press, 2014. — 180 p.
- Warner W.L.* Social Class in America / Warner W.L., Meeker M., Eells K. — Chicago : Science Research Associates, 1949. — 292 p.
- Weber M.* Class, Status and Power / M. Weber // From Max Weber: Essays in Sociology / H.G. Hans, C.W. Mills (eds.). — N.Y. : Oxford University Press, 1946. — P. 180–195.
- Weeden K.A.* The Case for a New Class Map / K.A. Weeden, D.B. Grusky // American Journal of Sociology. — 2005. — No. 111. — P. 141–212.
- Weininger E.B.* Foundations of Pierre Bourdieu's class analysis / E.B. Weininger // Approaches to Class Analysis / E.O. Wright (ed.). — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — P. 82–118.
- Wright E.O.* Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis / E.O. Wright. — Cambridge : Cambridge University Press, 1997. — 616 p.
- Wright E.O.* Classes / Wright E.O. — L. : Verso, 1985. — 340 p.
- Wright E.O.* Conclusion: If “class” is the answer, what is the question? / E.O. Wright // Approaches to Class Analysis / E.O. Wright (ed.). — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — P. 180–192.
- Wright E.O.* Social Class / E.O. Wright // Encyclopedia of Social Theory / G. Ritzer (ed.). — Sage Publications, 2003. — P. 1–16.
- Zweig F.* The Worker in an Affluent Society / Zweig F. — L. : Heinemann, 1961.